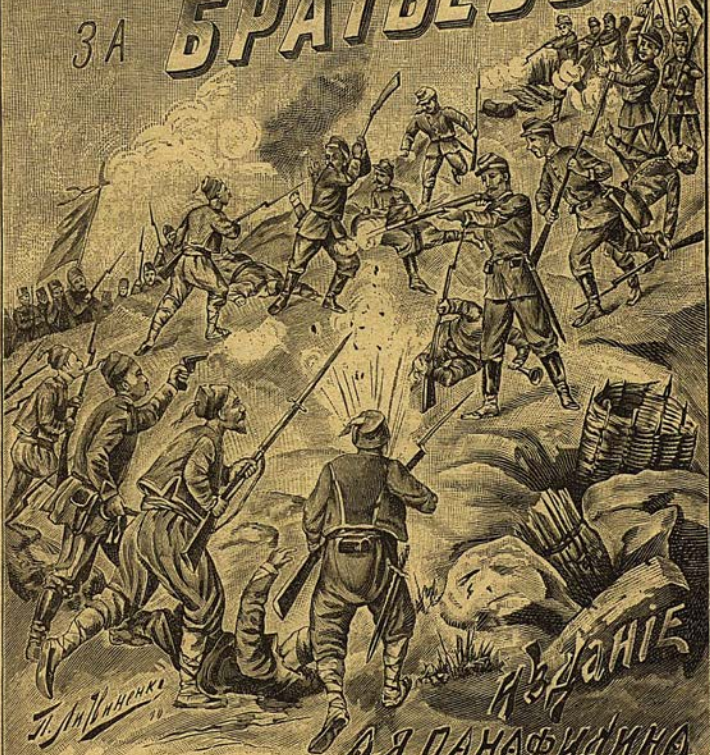

790
ВАС И. НЕМИРОВИЧЪ ДАНЧЕНКО

ЖИЗНЬ

ЗА БРАТЪЕВЪ.

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕСТВА ПАМЯТНИКА.

У КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ
А. Я. Панафидина

МОСКВА, Покровка, Лялинъ пер., соб. д., № 11—13.

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Александровъ Н. А.

НАРОДЫ РОССІИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Вып. I. П стихи стѣвера и ихъ кочующіе обитатели.

Иллюстрировано М. Минтшинымъ, А. Шарлеманемъ и др.

Изд. 2-е.

Въ первомъ изданіи рекомендуется, какъ не бходимое пособіе, Учебнымъ Комитетомъ IV отдѣленія Собственной Егѣ Императорскаго Величества Канцеляріи, при преподаваніи географіи Россіи въ старшихъ классахъ институтовъ и женскихъ гимназій, а также въ учительской семинаріи Воспитательнаго дома. Одобрена учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, для библиотекъ гимназій, прогимназій и уѣздныхъ училищъ. Рекомендуется Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, для библиотекъ, мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ. Одобр. Главн. Управлен. военно-учебныхъ заведеній для чтенія воспитанникамъ военныхъ гимназій и прогимназій. М. 1898 г.

Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

Тоже. Вып. II-ой. — Иностранцы въ Сибирь, съ рисунк. Броза и друг. М. 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к. Оглавленіе: Камчадалы съ Курильцами, Тунгусы, Амурскіе Тунгусы (Орочане, Манягры, Бирары, Мангуны или Ольчи и Орочи), Гольды и Гиляки, Якуты и Долгане. Вогулы, Сибирскіе Татары и Бухарцы, Алтайскіе Калмыки, и голкователь.

Его-же. Волга. Этнографическіе рассказы для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Въ первомъ изданіи одобрена Мин. Нар. Пр. для употребленія въ низшихъ училищахъ и внесено въ опытъ кагалга ученія. библиот. средн. уч. зав. Вѣд. Мин. Нар. Пр. и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ. М. 1898 г. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 50 к.

В. И. Немировичъ-Данченко.

ЖИЗНЬ ЗА БРАТЬЕВЪ.

(ИЗЪ ВОЕННЫХЪ ОЧЕРКОВЪ).

IV.

СОБСТВЕННОСТЬ КНИЖНАГО СКЛАДА,
спеціально для иногороднихъ,

А. Я. ПАНАФИДИНА.

Покровка, Лялинъ пер., соб. д., № 11—13,
въ Москвѣ.

МОСКВА.

Первая женская типографія Е. Гербекъ, 2-я Мѣшанская, 26.
1899.

Дозволено цензурою. Москва, 20 марта 1899 г.

5816-0

2007052757

I.

Поль-ночи уже пролежалъ въ секретѣ курносый парень. Его послали вечеромъ—вмѣстѣ съ другими—сторожить: не подкрадываются ли турки, чтобы захватить въ распахъ нашихъ, отбившихъ у нихъ редуть... Зорко всматривается онъ впередъ, такъ зорко, что глаза наболѣли; въ возбужденномъ зрѣніи мерещится. Но солдатъ помнитъ слово своего дядьки, стараго солдата Парфенова—не поднимаетъ тревоги... Товарищи его точно также не сомкнули глазъ. Хорошо понимаютъ отвѣтственность, проглядишь—живымъ манеромъ турки окружаютъ редуть, а тамъ уже никому пощады не будетъ. Сырость проникла до костей, холодно здѣсь, скверно...

Туманъ разсѣялся. Давно уже замолкли орудія и нашихъ, и турецкихъ батарей. Легкій бѣгъ зайца въ кукурузѣ доносится до ушей... Тишина такая, что кругомъ чуждятся стран-

ные звуки, то звонъ, дробный, мелкій звонъ колокольчиковъ, то крикъ, то обрывокъ пѣсни, то легкій стонъ... Вонъ гдѣ-то далеко-далеко грянулъ выстрѣлъ, должно быть, задремавшему часовому что-нибудь почудилось—онъ и тряхнулъ со сна, не разобравъ дѣла... И опять тишина, опять молчаніе. Тишина на всѣхъ позиціяхъ... Спятъ редуты, спятъ батареи, спятъ лагери. Спятъ ожидающіе смерти, и ничто не испугиваетъ ихъ сна...

А звѣзды все ярче и ярче разгораются надъ этимъ соннымъ царствомъ, облака все быстрѣе и быстрѣе бѣгутъ по ночнымъ небесамъ на сѣверъ.

Тихо въ землянкахъ редута...

Давно погасли костры, давно подъ сѣрою золою сгорѣли ихъ красные уголья... Изъ-подъ пепла не мигаетъ огонекъ, но тепла все-таки довольно. Главное—сухо. Привалились солдаты другъ къ другу, тѣсно привалились и, тяжело дыша и сомкнувъ очи, не видятъ и не слышатъ ничего... Ходитъ сонъ надъ ними сѣрымъ облакомъ, сыплетъ видѣнія вереницами. Звучать имъ изъ этого облака знакомые милые голоса, ласково улыбаются дорогія лица... И еще крѣпче засыпаетъ солдатъ, еще слаще смыкаетъ онъ глаза... Еще недавно жившій себѣ на покоѣ въ швейцарахъ большого дома старый солдатъ Парфе-

новъ давно уже, хотя во снѣ, въ Питерѣ; Марья Ивановна—любимая его кошка съ обрубленнымъ хвостомъ и обѣденными ушами свернулась эколо; въ головахъ—бѣлесоватыя кудри замарашекъ племянницъ, которыхъ приютилъ онъ у себя одинокихъ и бездомныхъ...

Прапорщику Харабову невѣста чудится... Яркій, солнечный день, безоблачное небо, съ котораго вѣтъ благоговѣйною тишиною, говоръ ручья, шорохъ листьевъ подъ дремотнымъ крыломъ легкаго вѣтра... Онъ идетъ съ нею подъ руку по роскошному лугу... Жаворонокъ вверху звенитъ серебрянымъ колокольчикомъ—неутомимый вѣстникъ любви и счастья!.. И еще слаще засыпаетъ Харабовъ... Только одному коменданту редута Горталову не спится теперь... То задремлетъ, то проснется, обойдетъ часовыхъ, заглянетъ въ секреты... Ему не до сна. Онъ отвѣчаетъ за этотъ редутъ, такъ довѣрчиво заснувшій въ самомъ сердцѣ непріятельскихъ позицій. Ему придется первому итти подъ ножъ. Вѣдь онъ обѣщалъ Скобелеву—не оставлять редуты. Хотя бы умереть пришлось—ни за что не уйти отсюда. И онъ знаетъ, что нѣтъ такой силы, которая заставила бы его бросить эти земляные валы—и спастись самому. Онъ разбудилъ фельдфебеля даже...

— По сколько патроновъ у насъ на человека?..

— По пятидесяти...

— Только?

— Обѣщались по утру еще прислать.

— А у той роты, которая въ ночь пришла, много патроновъ?

— У нихъ хватить... У нихъ по восьмидесяти на брата.

— Ну, слава Богу... Спи!.. Завтра будетъ довольно работы...

Прилежъ и Горталовъ... Такъ себѣ прилежъ. Знаетъ, что не засплетъ, —хоть отдохнуть, забыться на минуту.. Кто-то въ сторонѣ поетъ; если бы не была такъ молчалива эта ночь, не разслышать бы робкаго голоса... Должно быть, часовой мурлыкаетъ родную пѣсню, печальную и тоскливую—печальную, какъ эта ночь... Родная гладь чудится, заброшенная деревушка... Слово облака по небу, пробѣгаютъ воспоминанія въ памяти... Слѣда нѣтъ отъ нихъ, только тоска растетъ на сердцѣ, плакать хочется, а вѣдь пѣсня—тѣ же слезы наболѣвшей души... Какъ онѣ, каплетъ звукъ за звукомъ, какъ рыданія, разносится кругомъ, роняя грусть въ чужое сердце...

Зорко-зорко приглядываются секреты...

Словно другъ съ другомъ не перемолвятъ...

Курносому парню давно что-то чудится впе-

реди, и тщетно онъ напрягаетъ зрѣніе — ничего все равно не разберешь... Вонъ на той горѣ что-то черное .. Такъ ли это?.. Или есть что?.. Словно туча... Двигается внизъ... Нѣтъ, стоитъ... Нѣтъ движается... Ишь вонъ, скала стояла внѣ этой тучи, а теперь въ нее вошла... И края тучи все ширятся... Сверху она, съ самой вершины холма, ползетъ... Нѣтъ, это не чудится... Вонъ шорохъ слышится, чуть замѣтный шорохъ... Не отличишь его.

— Афремовъ? — шепчетъ курносый паренъ рядомъ лежащему солдату.

— Ну?

— Чуешь?

— Чую... это енъ...

— Кто енъ?

— Врагъ...

— Я пойду... дамъ знать, ишь его... вонъ справа...

Справа выползала на другомъ холмѣ такая же туча, и такъ же она своею темною тѣнью захватывала скать, точно съѣдала его... Неровные края этой тучи все ширились, какъ кругъ на водѣ — медленно, во всѣ стороны...

Курносый паренъ пошелъ тихо-тихо назадъ... Стараясь двигаться, какъ змѣя, въ травѣ, чтобы его не было слышно ниоткуда, чтобы его движеніе не всполошило часовыхъ,

солдаты самъ прислушивался, не идетъ ли кто... Не ощущавшій страха, пока былъ съ другими, теперь, оставшись одинъ, онъ почувствовалъ себя совсѣмъ брошеннымъ, и жутко ему стало.

Пока солдатикъ пробирался назадъ къ реду — случилось нѣчто неожиданное...

Секреты были разбросаны по-трое... Кое-гдѣ невнимательные и заснули, полагаясь на товарищей. Эти тоже замѣтили тучи турецкой пѣхоты, надвигавшіяся съ сѣверо-запада на наши позиціи... Одинъ изъ спавшихъ, услышавъ съ просонка голоса товарищей, не разобравъ въ чемъ дѣло, вскочилъ и выстрѣлилъ безъ толку и сознанія, что онъ дѣлаетъ, въ кого и зачѣмъ онъ стрѣляетъ... На выстрѣлъ исполошились другіе... Огоньки засверкали изъ нашихъ секретовъ... Сухое щелканье послышалось вправо и влево...

На валу редута стоялъ часовой...

Пѣлъ, пѣлъ онъ про себя пѣсню, да подъ ея вліаніемъ не то что заснулъ, а такъ забылся. Прислонился грудью къ брустверу и глаза уже сомкнулъ... Ощущеніе пріятной теплоты, какъ всегда бываетъ передъ сномъ, распространилось по тѣлу; мышцы размыкались, точно онѣ устали; въ головѣ звонъ какой-то... Хорошо стало... Ружье само какъ-то, точно

помимо его воли, скользнуло внизъ... Вдругъ..
Часовой встрепенулся...

Да! впереди стрѣляютъ... Неужели онъ прозвѣвалъ?.. Совершенно инстинктивно схватился за ружье... Вонъ еще огонекъ выстрѣла... Приложился—баць!..

Точно спящій редутъ только и ждалъ этого сигнала...

Словно огонь пробѣгаетъ снизу вверхъ по сухимъ сучьямъ и разомъ охватываетъ все дерево,—суматоха и паника съ валовъ перекинулись въ землянки... Барабанщикъ, не ожидая команды, схватилъ свой барабанъ и давай бить тревогу... Не прошло и нѣсколькихъ мгновеній, какъ все бѣжало на валы, со-слѣпа, не успѣвъ сбросить съ рѣспиць тяжелаго сна, ничего не видя передъ собою, ни о чемъ не соображая, ничего не понимая. Горталовъ кидался то къ тому, то къ другому и, ничего не понимая, не могъ допроситься, что это случилось... Часовые, опѣшивъ, отвѣчали на выстрѣлы изъ секретовъ... Гарнизонъ редута, ставши на валы, не долго хранилъ безмолвіе: кому-то пришло въ голову съ испуга „ура“ крикнуть. И крикнулъ какъ-то не по-человѣчески. Не успѣлъ еще кончить, какъ подхватили на всѣхъ валахъ; и пошло „ура“ перекидываться изъ стороны въ сторону, заносясь все дальше и дальше...

— Да что случилось?..

— Откуда тревога?.. Кто первый выстрѣлилъ?—добивался Горталовъ.

— Тревогу въ секретяхъ подняли...

На турецкихъ позиціяхъ молчали...

Долго еще это паническое „ура“, сопровождаемое беспорядочными выстрѣлами, носилось въ воздухѣ надъ встрепенувшимся редутомъ... Горталовъ прежде всего остановилъ барабанщика.

— Бей отбой!..

Та-та-трра-та!.. грянуло среди неистоваго и безтолковаго оранья солдатъ... Еще и еще разъ... Наконецъ, ближайшіе разслышали; удивленно оглянулись и замолкли... Замолкли мало-по-малу и другіе. Впрочемъ, волненіе не могло улечься сразу. „Ура“ вспыхивало еще, но ему не удавалось подняться; какъ птица съ подстрѣленнымъ крыломъ, оно отдѣлялось отъ земли, чтобъ сейчасъ же еще грузнѣе, еще скорѣе упасть на нее. Солдаты продолжали стоять на валахъ, но уже сконфуженные, смущенные упреками офицеровъ... Добивались, кто далъ тревогу, кто испугнулъ спавшихъ, и ни до чего не могли допроситься.

— Да кто же выстрѣлилъ первый?..

Часовому, который далъ отсюда первый выстрѣлъ, казалось, что онъ подхватилъ только другихъ, что онъ опоздалъ даже. Никто ни-

чего не зналъ, никто не могъ дать себѣ отчета, — что случилось... Въ этотъ самый моментъ курносый парень подобрался къ редуту...

— Свой! — предупреждалъ онъ часового... —
Маіора надо!..

— Чего тебѣ? Ты откуда?

— Изъ секретовъ, ваше высокоблагородіе...

— Что случилось тамъ?

— Турки идутъ... Далеко еще .. Пяхота...

Тамъ на горѣ — много...

— Стрѣляли оттуда?

— Наши стрѣлили... Ихніе молчатъ.

— Ты стрѣлялъ, что ли?

— Нѣтъ. Я сейчасъ какъ разсмотрѣлъ, пошелъ назадъ дать знать...

— Ну, пойдѣмъ... Покажи!..

И Горталовъ, выйдя изъ редута, побрелъ мокрыми полями къ секретамъ за гребень, откуда видны были турецкія позиціи...

— Давно ли ты замѣтилъ, что турки выходятъ?..

— Часу нѣтъ, ваше высокоблагородіе.

— Справа и слѣва?

— Точно такъ...

Добравшись до секретовъ, Горталовъ пытливо сталъ вглядываться въ даль... Передъ нимъ темнѣли скаты холмовъ, на которыхъ еще болѣе темными пятнами выдѣлялись турецкіе таборы, за ночь передвинувшіеся сю-

да. Теперь уже не оставалось никакихъ сомнѣній, турки готовились обрушиться на редуть... Отступленіе, на которое разсчитывали наши, вовсе не въ ихъ намѣреніяхъ... Оцѣнивая на взглядъ силу наступающихъ ратей, Горталовъ убѣждался все больше и больше, что надежды на спасеніе для него и для его небольшого отряда нѣтъ. Всѣмъ придется умереть!..

— И умремъ!..— вслухъ отвѣтилъ онъ самъ себѣ, разсѣянно оглядываясь на стоящее передъ нимъ звено секрета.

— Точно такъ, ваш-бродь!— отвѣтили тутъ.

Бой будетъ упорный... Можетъ-быть, поддержать наши, но пока придетъ помощь, половина жизней будетъ вычеркнута вонъ... И ждать помощи нечего—вчера самъ генераль предупредилъ объ этомъ. Все, что можно было послать, онъ послалъ...

Наклонивъ голову, Горталовъ пошелъ назадъ къ редуту, который молчаливо темнѣлъ теперь на вершинѣ третьяго кряжа зеленыхъ горъ съ черной черточкой знамени, все еще высившагося надъ его грозными валами.

Поздній мѣсяцъ вырѣзался на темныхъ ночныхъ небесахъ... Зловѣщій, какъ эта ночь, кровавый, какъ завтрашній день... Уголь редута и знамя на немъ пришлись какъ разъ

на немъ... Рѣзко обрисовались они передъ Горталовымъ...

II.

Турки идутъ.

Вернувшись въ редутъ, Горталовъ прилегъ на солому, насквозь промокшую, завернулся въ влажное полотнище турецкой палатки, изъ оставленныхъ здѣсь, и, черезъ нѣсколько мгновений, забылся тяжелымъ сномъ.

Горталову уже чудилось, что турки кругомъ, что подъ свинцовымъ дождемъ его дружины растаяли, острия жала штыковъ касаются его груди... Онъ уже видитъ налитые кровью глаза, слышитъ угрозы и бѣшеный, торжествующій смѣхъ. Онъ обращаетъ взглядъ свой на бѣлый крестъ знамени, но оно уже въ рукахъ у враговъ, и эти враги уносятъ его съ собою назадъ, такъ что въ послѣднюю минуту свою Горталовъ только мелькомъ видитъ, какъ полотнище знамени колеблется далеко-далеко; чудится ему, что съ перерѣзаннымъ горломъ, съ насквозь пробитою грудью лежитъ онъ на сѣромъ скатѣ пустыннаго холма... Лежитъ одинъ — среди полного безлюдья... Печально смотрятъ на него сверху золотыя

звѣзды; полный ужаса, онъ слышитъ въ сторонѣ шорохъ безчисленныхъ крыльевъ... Онъ знаетъ, какія это крылья; онъ знаетъ, зачѣмъ подлое воронье слетается къ нему отовсюду.

Наконецъ, маіору удается проснуться... Открывъ глаза, онъ видитъ надъ собою тѣ же золотыя звѣзды, только съ счастливымъ сознаниемъ жизни чувствуетъ, что шороха безчисленныхъ крыльевъ какъ не бывало, что въ рукахъ довольно еще силы, — хватить отбиться отъ воронья!.. Кругомъ слышится сонный шопотъ его солдатъ, трескъ сырыхъ виноградныхъ сучьевъ въ кострѣ и рѣдкое звяканье ружья, когда притомившійся часовой опускаетъ его на твердо убитую поверхность банкета...

Приподымаясь на минуту, Горталовъ убѣждается, что тумана какъ не бывало...

Ночь ясная, но холодная; земля еще не отогрѣлась.

Тиха, безмятежна ночь... даже вернувшемуся изъ секретовъ курносому парню не спится.

Онъ привалился къ костру, потухшему уже, но изъ-подъ сѣрой золы, словно изъ полуопущенныхъ вѣкъ, смотрѣвшему на него своимъ краснымъ глазомъ. Въ землянкѣ было тепло...

— Не спишь, что ли?.. — слышался парню голосъ Парфенова.

— Ась?

— Не спишь, говорю?

— Не...

— А ты засни... Завтра работа будеть...
Во что—коли меня убьютъ—видишь на груди кошель?

— Вижу...

— Возьми... Тутъ прописано на бумагѣ, куда чтобъ отправить... Въ Питеръ—племянницамъ... Кто будетъ ротнымъ, тотъ и сдѣлаетъ. Кабы живъ былъ капитанъ Ивковъ—съ полгоря.

Наши секреты, выдвинувшись насколько возможно далѣе впередъ, слышатъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя говоръ и движеніе въ турецкихъ секретахъ. Но часовые и тамъ, и здѣсь—словно по безмолвному уговору—щадятъ другъ друга, или, лучше, щадятъ самихъ себя... Одинъ даже виденъ нашимъ—шагахъ въ десяти... Ишь, вспыхиваетъ трубка во тьмѣ, и ему наши замѣтны—потому что сторожка оглядывается на нихъ... Чего добраго, думаетъ: молчать, молчать—да и вдругъ. .

На востокъ темныя ночныя небеса точно поблѣднѣли... Звѣзды еще горѣли ярко, но тамъ, въ той сторонѣ, нѣкоторыя болѣе робкія точно закрыли свои свѣтящіяся очи... Черная профиль редута еще рѣзче вырисовалась на поблѣднѣвшемъ горизонтѣ... Далеко-далеко у турокъ послышался печальный, долгій

сигналь... Подхватили вправо, отозвались слѣва, и пошли по всеѣмъ таборамъ перекликаться трубы. Точно хотѣлось имъ спѣться—да ладу не было... Тишина ночи наполнилась этими тоскливыми, нервными, словно на что-то жалующимися, плачущими звуками...

— Ишь ты!—насторожились въ секретѣ...

— Чего это они?..

— Должно, наступать будутъ... Они за- всегда такъ... Сичасъ, вотъ, палить начнутъ... Гли-ко въ оба...

— Ну-во, наступать... Довольно хорошо мы ему вчера наклали въ затылокъ. Ужли еще хотятъ?..

— Знають, видно, что нашихъ мало... Полагають выбить.

— Ишь и у самага Плевни запѣли...

Въ неподвижномъ ночномъ воздухѣ, среди этой зловѣщей тишины, каждый звукъ проносился на версты, не теряя своей силы. Слышались сигналы изъ-за Плевны... Пѣли турецкіе рожки въ Опанцѣ, въ Тришинѣ и Медвенѣ... Чуть-чуть, словно засыпающіе отголоски, донеслись даже изъ-за Вида... Должно быть, кто-то на Софійскомъ шоссе откликнулся...

Проснулись и у насъ...

Далеко-далеко позади ударилъ барабанъ. Частая дробь его всколыхала воздухъ; точ-

но послышался бранный окликъ на вызовъ турецкихъ рожковъ. Грянули барабаны въ Радишевѣ, проснулись въ Тученицкомъ оврагѣ, прокатились по Ловчинскому шоссе, прямо въ конные отряды, гдѣ перехватили и передали дальше сигналы серебряные рожки лейбъ-казачьяго эскадрона... Въ коновязяхъ послышалось ржанье лошадей... Ослы изъ Плевны заорали во все свое широкое горло... Гдѣ-то затыкали сторожевые псы...

— Нѣтъ, это у нихъ такъ... Должно, поднимаются... Уходить хотятъ...

— А вотъ увидимъ...

— Что имъ на насъ итти?.. Разобьютъ не по-вчерашему.

— Дай Богъ!..

Турецкіе солдаты стали стягиваться назадъ... Посѣрѣвшіе скаты холмовъ уже не требовали особенно тщательнаго надзора... Скоро и наши секреты поднялись...

Не успѣли еще они подтянуться на гребень, какъ навстрѣчу имъ Харабовъ...

— Ну что?

— Турки, ваше-скородіе, сняли свое секреты... И аванпостовъ у нихъ не видать...

„Скверно, — подумалъ про себя офицеръ. — Значитъ, собираются итти сюда... Скверно!“

И онъ задумчиво оглянулся на редуть, еще

спавшій въ блѣдныхъ сумеркахъ ранняго утра...

Сладко, наконецъ, удалось заснуть Горталову.

Призраковъ какъ не бывало. Кошмаръ унесся далеко-далеко; маіоръ легко и ровно дышитъ, согрѣваемый накинутою на него солдатскою шинелью. Ничего ему не снится—натура взяла свое. Отдыхаетъ утомленный мозгъ—не хватаетъ въ немъ силы даже для блѣдныхъ фантомовъ, въ возбужденномъ еще недавно ухѣ—ни звука... Сладко спится Горталову...

Небо совсѣмъ поблѣднѣло.

Не спавшія цѣлую ночь звѣзды устали, и одна за другой закрываютъ свои яркія очи... Мѣсяцъ еще бодрился, но сталъ блекнуть, точно съ утомленнаго лица его сбѣжала краска. Холмы вокругъ редута выяснились... одинъ за другимъ... Будто волны, катящіяся въ невѣдомую даль... Среди ихъ безбрежнаго простора темнѣли еще лощины и овраги, гдѣ, завернувшись въ бѣлую мглу, пока спали каменные массы, какъ сказочные богатыри у шумныхъ потоковъ и тихихъ ручьевъ...

Сигналы замерли...

Послѣднія отзвучія рожковъ, отголоски барабановъ разбѣжались вдаль и затерялись тамъ...

Минута тишины...

— Будить маіора?—обратился фельдфебель къ Харабову.

— Погоди...

Харабовъ, словно не вѣря этой тишинѣ, зорко всматривался впередъ въ эти тучи, что лежатъ тамъ вдали, на сѣрыхъ склонахъ холмовъ...

Началось!..

Снопъ пламени... Секунда молчанія... Ахнула мѣдная грудь, и, словно проклятіе, брошенная ею граната зашумала въ высотѣ.

— Пора!—и Харабовъ сошелъ съ банкета.

Сладко, совсѣмъ сладко спалось Горталову... Ротъ раскрылъ, руки раскинулъ. Последнія морщинки сбѣжали съ блѣднаго, вкlopenнаго, бородой обросшаго лица...

— Маіоръ, пора, вставайте!..

Тотъ только повернулся... И задышалъ еще глубже, еще ровнѣе...

— Вставайте, маіоръ!—взялъ его за плечо Харабовъ.

— Что, что?.. Что такое?..

Горталовъ, разомъ поднявшись, недоумѣло смотрѣлъ кругомъ, видимо, въ первую минуту не узнавая ни этого наклонившагося къ нему лица, ни этого сѣраго редута...

— Что такое?.. Зачѣмъ?.. Куда?..

— Турки идутъ, маіоръ!..

— Къ ружью!

И, разомъ очнувшись, Горталовъ уже стоялъ, готовый къ послѣднему бою на жизнь и на смерть, посреди редута...

— На валы, на валы, ребята!..

— Турки идутъ!.. Турки идутъ!..— слышалось въ землянкахъ.

Ослабѣвшій Дороновичъ выползъ тоже... Легко раненые уже стояли на банкетахъ...

— Что такое?— обернулся Дороновичъ къ Харабову.

— Турки идутъ!

— Уже?..

— Да, слышите?

Вверху уже роились свинцовыя пчелы; гранаты шушукали въ высотѣ...

— Ну... Сегодня придется расплатиться за георгиевскій крестъ! — проговорилъ Дороновичъ, съ трудомъ идя къ своей ротѣ.

Ш.

Первый ударъ.

— Становитесь, становитесь, ребята!.. Поскорѣй!.. Живо, живо!..— торопили офицеры позади.— У всѣхъ патроны есть?.. У кого нѣтъ, пусть товарищи подѣлятся...

Между редутами шла соединительная траншея...

Тутъ была разсыпана на всякій случай стрѣлковая цѣпь... Во рвахъ, залитыхъ еще вчера кровью, мертвыхъ было больше, чѣмъ живыхъ. Трупы лежали поперекъ, мѣшая движенію. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ было набито трупами такъ, что валы исчезали подъ ихъ неподвижною зловѣщею массой...

Впереди, въ лучахъ разсвѣта, вырисовалась уже грозная профиль Кришинскаго редута, откуда долженъ былъ направиться первый ударъ на наши позиціи. Горталовъ озабоченно обошелъ свой отрядъ и, съ перваго же взгляда, убѣдился, что сложенный изъ труповъ брустверь далеко не защищаетъ его солдатъ... Траншея, соединявшая его съ редутомъ, хотя и шла по кряжу горы, но была ниже Кришинской твердыни, и маіоръ ясно понималъ, что турки тотчасъ же начнутъ обстрѣливать какъ ее, такъ и всѣ наши закрытія картечными гранатами... Снизу, по откосамъ, вползали сады плевненскихъ предмѣстій, точно зеленые облака, неподвижно залегшія на скатахъ... Оттуда слышалось сухое пощелкиваніе одиночныхъ выстрѣловъ. Каждого, кто поднималъ голову въ траншеѣ, привѣтствовала изъ этихъ садовъ турецкая стрѣлковая цѣпь свинцовыми пчелами...

Свѣтъ утренней зари не былъ здѣсь свѣтомъ надежды... Ночь медленно отходила, кутая еще западъ въ свои голубыя сумерки... Точно ей было жаль оставлять этихъ обреченныхъ на смерть, точно она знала, что ихъ ждетъ, что несетъ имъ на долю этотъ сырой и холодный день...

Въ малочисленной дружинѣ молчали боевые порывы, — да они и ненужны были здѣсь... Чувство долга, сознание неизбежности жили въ каждомъ. Горталовъ, глядя въ лицо своимъ солдатамъ, видѣлъ, что они сами не уйдутъ отсюда. Солдаты въ глазахъ своего командира читали рѣшимость умереть, не сдавая редута... Этого было довольно... Слишкомъ много крови было пролито вчера, чтобы смерть пугала кого-нибудь изъ этихъ обреченныхъ ей жертвъ...

— Ну, Харабовъ, кому суждено увидѣть сегодняшній вечеръ? — обернулся Дороновичъ, когда молодой офицеръ проходилъ мимо.

— Еще нѣтъ потерь...

— Въ траншеяхъ уже есть...

— Большое дѣло — и жертвы великія...

— У васъ есть мать?..

— Есть...

— Богатая?

— Нѣтъ, моимъ жалованьемъ живетъ... И сестра тоже...

Маіоръ Горталовъ проходилъ мимо.

Блѣдный, только глаза горятъ, какъ угли... Брови судорожно нахмурены, зубы стиснуты, такъ что связки челюстей около ушей выдались какими-то желваками...

— Господа офицеры! — обернулся онъ къ Харабову и Дороновичу: — на свои мѣста!..

— А что, маіоръ?

— Турки двинулись рѣшительно... Сейчасъ начнется... Подавайте примѣръ солдатамъ...

— Ну, Харабовъ, прощайте... — улыбнулся Дороновичъ.

Пожали руки другъ другу, поцѣловались и... пошли умирать на свои мѣста.

День разсвѣлъ совсѣмъ...

Ночь неохотно снялась съ западныхъ вершинъ и ушла медленно, точно оглядываясь, далеко-далеко, туда, куда вслѣдъ за ней готовились уйти тысячи защитниковъ, тысячи бойцовъ... Теперь вся окрестность впереди какъ на ладони.

Грозная профиль Кришина точно возноси-лась подъ самыя тучи...

Оттуда сходили внизъ черные таборы.

Таборы шли справа, слѣва...

— Что наши орудія?.. Могутъ работать?.. — остановился Горталовъ около амбразуры.

— Одно... кое-какъ... Другое подбито.

— А турецкое?

— Никуда не годится... Совсѣмъ искалѣчено.

Около орудій лежали уже раздувшіяся лошади.

Зловѣщій смраднѣй брустверьъ изъ труповъ къ сторонѣ Плевны пока еще защищалъ нашихъ отъ стрѣлковъ, все больше и больше выдвигавшихся впередъ изъ зеленой окраины городскихъ садовъ.

Нашимъ пришлось очень недолго оставаться въ неопредѣленномъ положеніи людей, выжидающихъ противника. Очевидно, турки на этотъ разъ рѣшились отказаться отъ своей обычной осторожности. Они шли прямо на редутъ, то подымаясь на вершины холмовъ, то опускаясь въ лощины. Наступленіе направлялось въ лобъ, а стройность, съ которою двигались таборы, заставляла подозрѣвать въ нихъ лучшія изъ боевыхъ силъ Османа-паши...

Горталовъ, зорко глядя впередъ, убѣдился, что всѣ эти черныя колонны враговъ двигаются на него исключительно. Безчисленныя цѣпи отдѣлялись отъ нихъ, разбрасываясь по скатамъ и жнивьямъ, давно уже утоптаннѣй десятками тысячъ проходившихъ здѣсь ногъ; безчисленныя цѣпи перебѣгали отъ лощины къ лощинѣ, отъ однихъ укрытій къ другимъ, точно длинныя линіи морского прибоя, правильно слѣдующія однѣ за другими... И какъ море не истощается, бросая къ неподвижнымъ берегамъ вспѣнныя волны, такъ, казалось,

и черныя колонны турокъ позади вовсе не умялялись, выдѣляя изъ себя цѣпи за цѣпями... Тѣ же густыя массы оставались тамъ, и казалось, что онѣ безъ конца могутъ выбрасывать на наши позиціи волнистыя линіи стрѣлковъ... За брустверами дорого-доставшагося редута наши видѣли силу враговъ и не утѣшали себя возможностью успѣха. Побѣда была бы чудомъ, пораженіе—позоромъ. Оставалась только смерть,—и ей обрекала себя великодушная дружина, думая, что тѣмъ самымъ она спасаетъ своихъ товарищей... Приговоренные къ смерти—до самой минуты казни—стараются не думать о ней: такъ и защитники редута гнали отъ себя мысль о томъ моментѣ, когда вокругъ этихъ сѣрыхъ валовъ загалдятъ безчисленные таборы и на каждаго изъ солдатъ набросятся сотни упоенныхъ дешевою побѣдою враговъ...

Недолго огонь турокъ былъ рѣдокъ; не прошло и получасу послѣ того, какъ черныя колонны выслали первую цѣпь,—и грозная профиль Кришинскаго редута выбросила снопы огня во все свои амбразуры... Словно траурныя знамена, поднялся надъ ними дымъ, и нѣсколько гранатъ ударились около валовъ, занятыхъ Горталовымъ и его солдатами. Все окрестныя турецкія позиціи точно ожидали этого момента. Орудійный залпъ былъ сигнала-

ломъ, разбудившимъ сотни стальныхъ и мѣдныхъ зѣвовъ, отовсюду ставшихъ выбрасывать огонь и смерть на жалкій по числу своихъ солдатъ строй русскихъ... Сотни гранатъ лопались у редута, десятки шрапнелей рвались надъ нимъ, покрывая звуки начинавшагося боя своими долгими металлическими стопами... Нѣсколько турецкихъ гранатъ упали въ сложенный изъ турецкихъ труповъ брустверь... Но зрѣлище, которое въ обыкновенное время поразило бы ужасомъ защитниковъ редута, теперь совсѣмъ не дѣйствовало на ихъ притупившіеся нервы. Они даже и не вздрагивали, когда чугунное чудовище врывалось въ груды еще вчера живыхъ и здоровыхъ людей. Некогда было пугаться опустошеніями среди мертвыхъ, когда живые то и дѣло валились съ брустверовъ внизъ, безсознательно, въ послѣдней агоніи своей, стараясь схватиться за что-то въ воздухѣ...

— Ахъ ты, Господи! — совсѣмъ поблѣднѣлъ курносый парень, когда осколкомъ гранаты сорвало полъ-черепа у сосѣдняго солдата, облѣпивъ ему лицо теплою, мягкою, влажною массой мозга и крови...

— Ахъ ты, Господи!.. — и онъ сталъ было сползать съ редута...

— Ты куда? — остановилъ его Парфеновъ.

— А во!..

И парень указаль на *стоявшій* рядомъ трупъ.

Граната такъ сорвала черепъ, что тѣло солдата и не шевельнулось. Какъ стояло на брустверѣ, такъ оно и осталось. И рука на прикладѣ ружья. Только вмѣсто головы, какая-то кровавая чаша, открытая, дымящаяся паромъ среди этого холода осенняго утра...

— Что во... Вчера не боялся.. А теперь чего пужаешься?..

— Вчера, дяденька, совсѣмъ иначе было...

— Чего иначе?..

— Да такъ... Вчера шли... А онѣ стоятъ надо. Енѣ въ тебя палить, а ты стой, ничего ему сдѣлать не можешь... Вчера, дяденька, куда легче было!..—уже управлялся парень...

И дѣйствительно, вчера было легче. Вчера не стояли подъ огнемъ. Не ждали. Вчера приходилось двигаться впередъ или назадъ,—все равно. Это совсѣмъ не то, что выжидать на себя врага, который версты за три ужъ громитъ тебя со всѣхъ сторонъ, отъ котораго не закопаешься въ землю, не спасешься никуда... Тутъ люди совсѣмъ теряются, и ничья мужественная совѣсть не посмѣетъ ихъ упрекнуть въ этомъ. Тутъ самыя отважныя сердца начинаютъ биться сильнѣе; люди, обречшіе себя на смерть, чувствуютъ тревогу, смутную, болѣзненную жуткость... Искать смерти, *итти*

за нею—легче, чѣмъ ждать ее, стоять подь нею... Стоять и не смѣть шевельнуться!..

Трескъ лопающихся снарядовъ скоро заглушилъ гулъ отдаленныхъ выстрѣловъ.

Горталовскій редутъ теперь былъ средоточіемъ, куда неслись эти желѣзные чудовища съ злобнымъ шипѣніемъ, словно они едва сдерживались, чтобы не треснуть раньше времени, по пути, не долетѣвъ до ненавистнаго имъ врага .. Грохотъ стоялъ въ ушахъ, воздухъ дрожалъ отъ этихъ грозныхъ звуковъ, казалось, все кругомъ накалялось отъ пламени разрыва; мокрые валы покрывались паромъ, когда гранаты, шипя, какъ расплавленный свинецъ, вшивались въ ихъ рыхлыя массы.

Курносый парень глазъ не спускаетъ съ черныхъ цѣпей, что движутся прямо на редутъ... Теперь уже и версты не осталось между ними и совершенно открытой горжей... Скоро въ шипѣніи и трескѣ гранатъ, свистѣ и вопляхъ разлетающихся во все стороны осколковъ слышались и иные звуки.

Назойливое шипѣніе свинцовыхъ пчель. До сихъ поръ онѣ налетали одиночками и, разумѣется, не пугали привычныхъ солдатъ... Теперь на редутъ точно безчисленные рои спустились.

Траверсы были рассчитаны такъ, чтобы

защищать гарнизонъ редута отъ русскихъ пуль; турецкому огню внутренность его была открыта, и люди напрасно жались къ валамъ, точно они хотѣли врасти въ эти сырыя, рыхлыя земляныя массы—смерть находила ихъ и тутъ, внутри, и въ соединительныхъ траншеяхъ...

Нѣсколько солдатъ не выдержало...

Трудно стоять подъ огнемъ и самимъ не отвѣчать на огонь... Рука помимо воли тянется къ курку ружья. Дуло точно само беретъ прицѣль ..

Одинъ выстрѣлилъ, другой, третій...

Горталовъ не успѣлъ еще и рта раскрыть, какъ вдругъ по всѣмъ валамъ зазѣбились огоньки, и длинная полоса дыму всколыхнулась надъ редутомъ. Трескъ перебѣгающихъ выстрѣловъ отсюда на мгновеніе заглушилъ и грохотъ турецкихъ батарей, и назойливое пѣніе свинцовыхъ пчелъ...

— Не смѣть стрѣлять!.. Молчать!..—грозно прозвучала команда. . и Горталовъ сталъ обходить редуты...

— Пулю въ затылокътому — кто спуститъ курокъ... Стрѣлять по командѣ... Господа офицеры, слѣдите за своими частями!..

Паническая стрѣльба редута по движущемуся врагу, стрѣльба изъ нѣсколькихъ сотъ ружей, тогда какъ на насъ наступали десят-

ки тысячъ, — могла только одушевить врага, выдавая нашу слабость и неувѣренность въ своихъ силахъ... Сверхъ того, патроновъ было слишкомъ мало. Дай волю—и ихъ разстрѣляли бы въ полчаса, и тогда редутъ остался бы совсѣмъ беззащитнымъ... Горталовъ, обходя, пояснялъ людямъ ихъ положеніе, и не прошло еще нѣсколькихъ минутъ, какъ на валахъ опять молчаливо стояли сѣрыя фигуры...

Среди этого ада, шипѣвшаго змѣиными жалами, оравшаго мѣдными зѣвами, бросавшаго сюда, точно изъ чудовищныхъ пращей, цѣлые ливни изъ свинца и чугуна, среди этого ада, разгорѣвшагося сумасшедшею ненавистью и злобою на него, только онъ одинъ, этотъ торжественный и величавый гладіаторъ — редутъ — стоялъ словно нѣмой, смѣло глядя въ лицо бѣснующемуся аду, точно презирая и преимущество его силъ, и могущество его гнѣва... Онъ пока не отвѣчалъ на вызовы; зорко глядя впередъ, онъ оставался неподвижнымъ... Онъ молчалъ, когда его защитники, заглушая невольные стоны, падали внизъ съ сѣрыхъ валовъ, когда уже смерть торжествовала здѣсь дешевую побѣду...

— Снять чахоль со знамени!

Спрятанное за ночь полотнище медленно развернулось подъ легкимъ вѣтромъ и наду-

лось, какъ парусъ, подъ бѣлымъ георгиевскимъ крестомъ, вѣнчавшимъ древко...

Точно окрылившійся этими распущенными знаменами, горталовскій редуть, казалось, медленно и величаво плыль впередъ, по сѣрымъ волнамъ этихъ холмовъ, подъ сѣрыми волнами небесныхъ тучъ... На палубѣ его стояли обреченные смерти, и еще торжественнѣе казалось среди бѣшенago вихря стихійной бури ихъ величавое молчаніе... Птица, спугнутая выстрѣлами, долго летѣла впередъ, пока не наткнулась на древко... Усталыя крылья требовали отдыха... Она уцѣпилась за крестъ знамени и на минуту остановилась на немъ... „Духъ святой“, — проговорилъ про себя суетвѣрный Парфеновъ... — „Духъ святой съ нами!“ ...

Но пролетавшія мимо свинцовыя пчелы спугнули птицу, и она опять полетѣла дальше, безпокойно размахивая крыльями и дѣлая отчаянныя усилія, чтобы скорѣе выйти изъ этого ада...

Вонъ, на гребнѣ ближайшаго холма мелькнули черныя фигуры стрѣлковъ изъ передовой турецкой цѣпи...

Мелькнула — и скатилась въ лощину... За ней другая, третья... четвертая... И всѣ сбѣгаютъ туда же...

Оттуда, изъ этой лощины, двинется атака.

Оттуда будетъ нанесенъ ударъ, первый ударъ долго готовившагося боя... Первый... Но не послѣдній... Одинъ за другимъ... У этой грозной руки не ослабнуть мышцы отъ одного усилія, она повторитъ его еще не разъ... Повторитъ, пока не смоетъ съ лица земли этихъ дерзкихъ смѣльчаковъ, ворвавшихся въ самое сердце вражьяго стана...

Солдаты оглядывались на офицеровъ... Они опять затосковали... Фигуры вражьиxъ стрѣлковъ на гребнѣ холма словно сами напрашивались на выстрѣлъ. Тутъ бы ихъ встрѣтить залпами!.. Но офицеры, зорко глядя впередъ, молчали, и готовая команда, какъ звѣрь въ клѣткѣ, еще не выпускалась на волю...

Молчалъ и Горталовъ...

Черезъ нѣсколько минутъ они подымутся по скату и—тогда...

— Ваше высокоблагородіе!..—кто-то заговорилъ у него за спиной усталымъ и словно надорваннымъ голосомъ.

— А, Стасюкъ, ты откуда?

— Изъ траншеи... Оттоль прибежь.

— Ну, какъ у васъ, все благополучно?

— Никакъ нѣтъ... Враги увидѣли!..

Горталовъ нахмурился. Траншея была со-всѣмъ въ тылу.

— Что еще тамъ?

— Енъ, ваше высокоблагородіе, конницей

на насъ насѣлъ. Конница тамъ показалась позади...

— Тебя прислалъ поручикъ?

— Точно такъ...

— Скажи ему, что я ему помочь не могу. Пусть отбивается самъ. Понимаешь?

— Понимаю...

— Пусть, когда подступятъ близко, залпомъ встрѣтить, слышишь?

— Слышу.

— Въ упоръ!.. Понялъ?.. Потери у васъ есть?..

— Страсть, что народу пропало...

— Да откуда же онъ бьетъ васъ?..

— Съ хланговъ, ваше высокоблагородіе, почитай ста человѣкъ уже нѣтъ. Прапорщика убило... Прямо въ голову ему вдарило... Гранатой... наскрость по всей траншеи садить...

— Ну, держитесь... Видите—у насъ не лучше.

— Точно такъ-съ.

— Скажи, помощи не будетъ. Ты—старый георгіевскій кавалеръ, Стасюкъ, тебѣ не впервой. Подай молодымъ примѣръ.

— Что жъ, ваше высокоблагородіе, помирать такъ помирать!.. А только, чтобы ему не уступить...

— Ну, то-то... Поди же и передай!..

Стасюкъ повернулся и пошелъ въ свою траншею.

Взойдя на валъ, Горталовъ оглянулся назадъ и, дѣйствительно, убѣдился, что Стасюкъ сообщилъ ему правду... Турки въ тылъ реду-ту выслали тысячи четыре всадниковъ, кото-рые, разбившись вѣеромъ, уже осыпали траншею дробью своихъ винчестеровскихъ пу-лекъ...

— Видите?... — обратился Горталовъ къ со-всѣмъ уже изнемогавшему отъ потери крови До-роновичу.

— Да...

— Дѣло ясное...

— Совсѣмъ ясное. Они рассчитываютъ на наше отступленіе и думаютъ насѣсть на насъ кавалеріей.. Ошибутся!..

— Да... Отступленія ни въ какомъ случаѣ не будетъ. Уйдутъ—только для спасенія знамени и то на послѣдокъ. Я обѣщалъ Скобелеву умереть здѣсь и умру... Но не сдамъ редута... Когда всѣ усилія будутъ истощены, я поручаю именно вамъ спасти знамена!..

— Поручите другому, маіоръ.

— Почему же?

— Я тоже не уйду отсюда!..—И оба, молча, пожали руки другъ другу.

Въ лощину уже сбѣжало много цѣпей... Судя приблизительно, тамъ уже было болѣе десяти таборовъ. По гулу, слышавшемуся издали, можно было заключить, что позади греб-

ня ближайшаго холма густились еще болѣе сильныя отряды, которые должны были подкрѣпить эти таборы въ случаѣ неудачи ихъ перваго удара... Ждать его пришлось не долго... Изъ Кришинскаго редута слышались тоскливые турецкіе сигналы, которымъ отозвались рожки въ таборахъ, скрывающихся за холмами... Рожки заплѣли направо и налево. Казалось, что даже въ тылу у насъ откликаются такіе же... Сигналы вспыхивали и въ городскихъ садахъ, — и когда послѣднія отзвучія ихъ погасли въ сыромъ и холодномъ воздухѣ, — огонь турецкихъ батарей и стрѣлковъ разгорѣлся до такой степени, что, казалось, снизу изъ лощины, беспорядочныя толпы выбѣжали на скатъ и стали нервно, порывисто подыматься къ молчавшему редуту... Толпы за толпами, точно изъ какого-то безконечнаго, неисчерпаемаго источника... Одни стремились прямо въ лобъ на редутъ, другіе хотѣли охватить его кольцомъ... Крики: „алла, алла!“ слышались оттуда... Слышались сквозь грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ, сквозь огненный ливень пуль...

А редутъ все молчалъ, какъ очарованный. Только офицеры за спиною у солдатъ зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы никто не осмѣлился стрѣлять, чтобы ничья рука не спустила курка, подавъ тѣмъ самымъ пагубный примѣръ

остальнымъ. Только солдаты все болѣе и болѣе зорко вглядывались въ эти, уже близко бѣгущія къ нимъ, остервенѣлыя толпы враговъ... Никто не сошелъ съ валовъ, никто не наклонилъ головы... Только поблѣднѣли лица; но не чувство боязни скрывалось въ этой нервной, озлобленной блѣдности, въ этихъ неровныхъ подъемахъ глубоко дышавшей груди... Не чувство трусости—нѣтъ... Рука вѣрно брала прицѣлъ. Дуло ружья слѣдило, какъ и глазъ солдата, за приближавшимися таборами,—слѣдило неотступно, чтобы по первой командѣ офицера позади—бросить смерть прямо въ намѣченную жертву...

И чѣмъ громче слышались зловѣщія крики подступающихъ ратей, чѣмъ злѣе и отчаяннѣе гремѣло внизу это „алла, алла!“, чѣмъ оглушительнѣе ревѣли орудія изъ Кришина, Трнина, Медвена и Опанца, чѣмъ гуще свинець лился на этотъ безмолвный редуть, тѣмъ грознѣе, тѣмъ величавѣе становилось его спокойное молчаніе. Въ этой зловѣщей тишинѣ, казалось, зрѣла буря, передъ властнымъ голосомъ которой должны будутъ стихнуть и эти мѣдныя зѣвы турецкихъ пушекъ, и эти безчисленные ульи свинцовыхъ пчелъ, и эти разгорѣвшіяся глотки съ ихъ однообразнымъ, жаднымъ: „алла, алла!“..

Турки уже близко-близко...

Весь спокойный, весь неподвижный, весь перешедший только въ одинъ зоркій взглядъ, Горталовъ ждетъ. . Ему уже давно хотѣлось бросить залпъ въ эти бѣгушія на него толпы, но онъ задержалъ уже шевелившуюся на губахъ команду... Рано еще... Пусть еще ближе подбѣгутъ подъ эти вѣрно слѣдящія за ними дула... Вотъ уже отдѣльные лица видны. Разгорѣвшіяся ненавистью, злобой... Красныя фески назадъ сползли, потъ струится по лоснящимся лицамъ, ноги въ опанкахъ торопятся поскорѣе укоротить разстояніе между ними и редутомъ... Вотъ какой-то — должно быть, паша, — выѣхалъ впередъ на бѣломъ конѣ; пѣшеходы его перегоняютъ.. Онъ показываетъ саблей на молчаливый редутъ...

Шаговъ триста уже, не больше... Голоса слышны, слышна команда — еще усиліе, еще нѣсколько минутъ — и...

— Батальоны — пли!

Глушащій все, все покрывающій трескъ залпа... Редутъ точно проснулся и въ отвѣтъ на задорные отклики вражьихъ ратей отозвался такимъ могучимъ ударомъ, что, казалось, земля дрогнула отъ него и съ валовъ стала осыпаться внизъ... За клубами дыма не видно было ничего... Только слышалось то же грозное, то же громкое, словно его бросала металлическая грудь:

— Батальоны—пли!..

Новый трескъ залпа... Новые клубы дыма рвутся впередъ, словно они хотятъ догнать вѣстниковъ смерти, уже разсѣкавшихъ воздухъ между защитниками редута и ихъ врагами...

— Рота—пли!

— Рота—пли!

Слышались отдѣльныя команды офицеровъ въ флангахъ, и всякій разъ дружные залпы неслись оттуда навстрѣчу дрогнувшему врагу...

Парфеновъ совсѣмъ разгорѣлся...

Только что разбросило дымъ выстрѣловъ— онъ замѣтилъ, что дрогнувшіе и смущенные турки топчутся внизу, куда они ушли, потерявъ на скатѣ, шедшемъ отъ редута, почти половину своихъ товарищей.

— Ваше высокоблагородіе!—обернулся онъ къ Горталову.

— Чего тебѣ?

— Дозвольте вылазку—остальныхъ отыскать.

— Съ Богомъ!

— За мной, братцы!—и Парфеновъ сбѣжалъ внизъ съ вала... Цѣлая толпа солдатъ, торопившихся на бѣгу зарядить свои ружья, понеслась за нимъ. Турки не выждали: ихъ точно сбросило что-то съ холма!.. И тогда въ этой немногочисленной кучкѣ передовыхъ бойцовъ вспыхнуло такое неудержимое торжество-

ющее „ура“, что оно, разомъ, охватило весь редуть и по соединительной траншеѣ добѣжало къ боковому редуту, на которомъ тоже уже готовились къ бою...

— Спасибо, герои! Спасибо, братья!—обходилъ Горталовъ опять вернувшіеся въ редуть ряды солдатъ ..

Не прошло нѣсколько минутъ,—и этотъ редуть, отразившій первый ударъ турокъ, опять замолкъ...

Нужно было беречь возбужденіе и не тратить его на безплодный крикъ. Оно могло понадобиться сейчасъ же.

IV.

Зеленое знамя.

На редутахъ цѣлый день шелъ упорный бой.

Отряду, уже тридцать часовъ невыходившему изъ-подъ огня, и теперь не удавалось вздохнуть хотя нѣсколько минутъ. Когда отбитыя атаки уносились назадъ, со всѣхъ окрестныхъ позицій у турокъ начинался такой убійственный огонь, что среди защитниковъ редута потерь было больше, чѣмъ во время самой ожесточенной штыковой бойни. Люди собирались съ силами подъ этимъ ливнемъ свинца и пла-

мени. Садясь на банкеты, не знали, придется ли имъ встать опять на валы для защиты ихъ при новомъ натискѣ остервенѣвшаго врага. Можно было думать, что мышцы голодныхъ солдатъ омертвѣли, столько сегодня пришлось имъ выдержать напряженія, столько потратить усилій... Безчисленные таборы турокъ разбивались объ этихъ непогихъ сильныхъ духомъ людей, которые, только отразивъ атаку, машинально опускали кружившіяся головы внизъ, не давая себѣ отчета: живы ли еще, или нѣтъ... Противу сотни турецкихъ пушекъ дѣйствовали съ доставленными вновь только четыре нашихъ, которыя удалось такъ замаскировать, что, сколько турки ихъ ни нащупывали, ихъ не удавалось открыть вовсе... Горталовъ на одномъ, Мосцевой—на другомъ редутахъ даже не уходили за валы. Смерть—была лучше этой бойни... Смерть улыбалась мученикамъ, она была отдыхомъ, сномъ, спокойствіемъ, тишиною... Побѣда была невысказана, а спасеніе доставалось цѣною позора... Имъ, столько времени защищавшимъ эти валы, казалось стыднымъ бросить ихъ, уйти отсюда... Редуть былъ могилою товарищей, нужно присоединиться къ нимъ. Пусть врагъ войдетъ сюда черезъ трупы... Лишь при этомъ условіи побѣда его не была бы упрекомъ защитникамъ. — Есть невозможное и для героевъ!—щепталъ

внутренній голосъ Горталову... — Да, есть невозможное, потому что они могутъ погибнуть!.. Другого исхода нѣтъ, — говорилъ онъ самъ себѣ. Онъ далъ слово умереть и, давая его, зналъ, что это не фраза въ его устахъ, что онъ выполнить обѣщаніе...

Редуты, соединительная траншея между ними были завалены трупами ихъ защитниковъ...

Въ редутѣ трудно было двигаться, въ траншеѣ тоже, такъ они были переполнены. Во всевозможныхъ направленіяхъ и положеніяхъ лежали убитые... Вытянувшіеся, скрюченные, точно въ послѣднюю минуту, каждый нервъ сводила судорога, съ раскинутыми по сторонамъ, съ сжатыми на груди руками, лицомъ внизъ, лицомъ вверхъ разбросались несчастные. Можно было подумать, что какая-то колоссальная паровая машина только что работала въ этомъ редутѣ, размалывая, разворачивая шестернями, взбрасывая зубцами колесъ тѣла, молотами разбивая черепа, и, не dokonчивъ своего дѣла, ушла далѣе, чтобы тотчасъ же вернуться назадъ... Продольные непріятельскіе выстрѣлы за одинъ разъ уносили десятки новыхъ жизней отсюда, увеличивая эти груды мертвыхъ, прибавляя новыхъ раненыхъ къ тѣмъ, которые еще лежали у валовъ, тщетно обращая къ небесамъ свои страдальческіе смятенные взгляды...

Теперь уже не надѣялся никто...

Только въ половинѣ третьяго дали знать, что на поддержку нашимъ идутъ шуйцы...

Генераль Крыловъ самъ послалъ ихъ сюда. Ему приказывали оставить шуйцевъ на старыхъ позиціяхъ, но онъ видѣлъ лучше... Владимірцы съ Горталовымъ, суздальцы съ Мосцевымъ, уже тридцать часовъ удерживавшіе редуты, перестали и ожидать поддержки...

Но именно за подкрѣпленіями и стояло дѣло... Вѣра солдатъ заставляла ихъ только еще упорнѣе стоять на своихъ невозможныхъ позиціяхъ... Казалось ужаснымъ покинуть ихъ, чтобы по пути встрѣтить свѣжіе полки, которые изъ-зади, разумѣется, двигаются имъ на помощь. Старая слава суздальцевъ и владимірцевъ не могла допустить этого... Смерть не пугала... Пускай... Мертвымъ лучше, чѣмъ живымъ...

Въ началѣ пятаго часа огонь турецкихъ стрѣлковъ и выстрѣлы вражьихъ батарей замолкли...

Передъ послѣднимъ рѣшительнымъ ударомъ наступила зловѣщая тишина, наполняемая только стонами раненыхъ, да одиночнымъ пощелкиваніемъ ружей изъ садовъ Плевны...

Враги собирались съ силами... Теперь или никогда. Черезъ часъ или защитники редутовъ будутъ сброшены внизъ и перебиты, или

Осману придется отступить съ своими таборами по Софійскому шоссе .. Споръ рѣшался окончательно и безповоротно. Къ туркамъ подходили новые, свѣжіе таборы, которыхъ сейчасъ же посылали впередъ замѣнить утомленные боемъ отряды .. Мы были безъ резервовъ. Намъ пельзя было замѣнить солдатъ Горталова и Мосцевого ничѣмъ... Кое-какъ собрали остатки разныхъ ротъ, и нѣсколько сотенъ такихъ разстроенныхъ и разметавшихся было по всему полю битвы людей бросили на редуть... Но, увы, у нихъ слишкомъ мало патроновъ, и силы оказывались утомленными до того, что нѣкоторые, не дойдя до валовъ, падали и умирали отъ истощенія... Раненые старались не выходить изъ строя. На позиціи сходились съ перевязочныхъ пунктовъ такіе, которые еще вчера были отправлены туда, но считали стыдомъ оставаться тамъ...

Дороновичъ, когда атака отхлынула назадъ, легъ на землю, да уже и не подымался...

Начиналась горячка.

Горталовъ подошелъ къ нему...

— Маіоръ... Какъ наши дѣла?.. — едва могъ проговорить тотъ, не понимая, почему это лицо Горталова то разрастается до громадныхъ размѣровъ, то сжимается въ кулачокъ... И колышется—то вправо унесется,

то влѣво... То вверхъ подыметъ... Это, вѣрно, мнѣ такъ кажется...

— Хорошо!.. — коротко отвѣтилъ Горталовъ, щадя больную душу.

— Ефремовъ!.. Васильевъ!.. Положите поручика на носилки.

— Зачѣмъ на носилки?.. Я рѣшился здѣсь... Неужели это нашъ редутъ вверхъ подымается?.. Или небо низится?.. Откуда это цвѣтами такъ пахнетъ?.. Странно... Тутъ гдѣ-то поле есть... Ишь, какой густой запахъ... Куда вы уходите, маіоръ?..

— Я не ухожу, я здѣсь...

— Нѣтъ, вы уходите... Вонъ опять... Что это... Кто мнѣ сверлитъ голову?.. Прогоните прочь доктора. Зачѣмъ онъ мнѣ зондъ въ мозгъ впускаетъ?.. Прочь!.. Прочь!.. Скоты!..

— Никакого доктора нѣтъ, поручикъ!.. Васъ никто не трогаетъ.

— Какъ же нѣтъ... Вотъ, у меня въ головѣ копаются...

Въ рѣдкія минуты сознанія, открывая глаза, Дороновичъ видѣлъ надъ собою сѣрое, низко нависшее небо, чувствовалъ, что онъ слегка колышется въ носилкахъ, на которыхъ его уносятъ куда-то солдаты. Слышалъ, какъ въ траншеѣ спрашивали:

— Кого несете?..

— Поручика,

— Убить?..

— Почти что. Должно, не выживетъ.

Дѣлая нѣкоторыя усилія, Дороновичъ начиналъ понимать, что это онъ почти что убить, что это онъ не выживетъ... И странное дѣло — совершенно спокойно онъ относился къ этому... Не хотѣлось жить вовсе, только одно дикое желаніе являлось: умереть, такъ умереть, только бы встрѣтить генерала, сказать ему, что не своей волей ушелъ съ редута... Что исполнилъ свой долгъ... „Только бы встрѣтить его...“ страстно шепталъ про себя раненый... Умереть потомъ, все равно, конецъ одинъ.

— Кого несете?

Точно судьба хотѣла исполнить эту пламенную мольбу...

Голосъ... знакомый голосъ... Разжавъ съ усиліемъ уже сомкнувшіяся было вѣки, Дороновичъ увидѣлъ передъ собою бѣлую голову коня, съ морды котораго падала внизъ пѣна... Конь грызъ удила и фыркалъ...

— Кого несете, ребята?..

„Да, это тотъ самый голосъ“. Дороновичъ нашель въ себѣ силы приподняться на локтяхъ. Чуть-чуть приподняться.

— Это я, ваше превосходительство... Не самъ, меня силой унесли... Я хотѣлъ умереть

Въ редутъ... Тотъ оврагъ... никому... пускай совсѣмъ уйдетъ изъ памяти!..

Генераль сошелъ съ лошади и, наклонившись къ Дороновичу, поцѣловаль мокрый лобъ его...

Такъ цѣлуютъ только умирающихъ... Дороновичъ улыбулся, совсѣмъ счастливый.

— Дяденька, что это?—обратился курносый парень къ Парфенову.

— Опять, должно, гололобые на насъ подымаются...

— Доколь же это они?.. Я такъ полагааль и дѣлу конецъ...

— Къ ночи конецъ будетъ... Ахъ, и перебито же народу страсть!.. Мы съ тобой только цѣлы.

— Меня тронуло... Во!

И парень показаль обшлагъ, пробитый пулей...

— Близко была... Ажно ожгла... И теперъ можить.

— Хорошо, коли бы тѣмъ кончилось... Тутъ бѣда будетъ теперя.

Новыя массы турокъ показались отовсюду... И онѣ уже не разбивались цѣпями, не прятались по лощинамъ...—Шли прямо... Ихъ было столько, что они раздавили бы и не такой редутъ... Задніе напирали на переднихъ — и

точно громадныя чудовища катились новыя безчисленные таборы на русскіе редуты.

— Абазіевъ!.. Вы видите, что это у нихъ впереди?.. Если меня глаза не обманываютъ...

— Зеленое?.. Это зеленое знамя, маіоръ...

— Священное... Значить, послѣдняя и рѣшительная атака... И тѣ умирать идутъ... Ручаетесь ли вы за своихъ солдатъ?

— Какъ за себя самого!

— Ишь, и у нихъ музыка... — сталъ онъ прислушиваться къ обрывкамъ доносившагося сюда марша.

— Орда идетъ!.. — замѣтилъ про себя Парфеновъ.

Снялъ шапку и перекрестился...

Словно шелестъ пробѣжалъ въ редутъ, все послѣдовали его примѣру.

Послѣдній поединокъ начинался, но въ исходъ его уже нельзя было сомнѣваться...

Обходныя колонны непріятеля опять двинулись направо и налево... И, слѣдя за ихъ направленіемъ, оцѣнивая ихъ численность, Горталовъ видѣлъ съ отчаяніемъ, что эту лавину остановить не ему, съ его ничтожнымъ, утомленнымъ и голоднымъ отрядомъ...

„Господи силь, съ нами буди!“ — подумалъ онъ безмолвно, подымая свои глаза къ небесамъ...

Косою лучъ солнца, пробившись сквозь про-

свѣтъ, между тучами, на минуту обдалъ редутъ золотистымъ сіяніемъ... Но онъ не оживилъ истомленные и поблѣднѣвшія лица живыхъ, не сдѣлалъ менѣе страшными исковерканныя лица мертвыхъ...

V.

Послѣдній ударъ.

Въ черной массѣ безчисленныхъ таборовъ, затопившихъ скаты холмовъ, колыхалось зеленое знамя... Большое знамя медлительно развертывалось на гребнѣ противъ редута ..

— Послѣдній ударъ!—шепталь Горталовъ, глядя на него... Послѣдній ударъ... Еще нѣсколько часовъ жизни... Что же тамъ молчать... Отчего не идти на помощь? Отчего... Еще нѣсколько часовъ жизни... А потомъ!..

Онъ окинулъ взглядомъ утомленныхъ солдатъ, прислонившихся къ сѣрымъ валамъ редута. Сѣрыя фигуры ихъ составляли точно часть этихъ валовъ. .

„Еще нѣсколько часовъ... Часть отступить, спасая знамена... Остальные!..“

— Остальные лягутъ!.. Другого честнаго исхода нѣтъ!.. Тамъ на родинѣ—не забудутъ... Наше дѣло—умирать. Странно... Се-

годня живешь — думаешь, волнуешься... А спустя нѣсколько часовъ — раскинешься безобразнымъ комомъ окровавленнаго мяса и костей... здѣсь же на скатѣ, пробитый насквозь... Говорять — умирать страшно...

Горталовъ безсознательно обернулся къ брустверу, сложенному изъ труповъ...

— Что же страшнаго?.. Цѣлый день въ эту массу врывались гранаты... Развѣ она чувствуетъ?.. Ничего страшнаго нѣтъ... Жизнь — страшна. Сознаніе своего безсилія, позоръ пораженія — вотъ ужасъ. Итти отсюда назадъ, не смѣя взглянуть въ глаза свѣжему человеку, а вопросы: Что же вы сдѣлали?.. Гдѣ ваши солдаты? — Вотъ что страшно... А смерть — это сонъ.. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Капитаны кораблей часто остаются и тонуть — во время крушеній. Комендантъ редута — тотъ же капитанъ корабля... Спасти экипажъ — и равнодушно встрѣтить смерть самому...

Гомонъ въ турецкихъ таборахъ все росъ и росъ... Безчисленные значки вѣяли надъ стройными колоннами. Видимо, для послѣдняго удара Османъ паша сосредоточилъ здѣсь все, что у него было лучшаго... Муллы впереди солдатъ вдохновляли нервѣшительныхъ, напоминали, что для правовѣрнаго смерть въ бою знаменуетъ начало райскихъ насла-

ждений... Позади таборовъ гремѣли оркестры военной музыки... Паши на чудесныхъ арабскихъ коняхъ гарцовали впереди своихъ отрядовъ. Османъ былъ тоже здѣсь... Повидимому, равнодушно окидывалъ онъ наши позиціи... Въ душѣ желѣзнаго человѣка, тѣмъ не менѣе, по его собственному признанію потомъ, росли сомнѣнія...

— Да, умирать, умирать!... — очнулся Гор-таловъ.

Черныя массы впереди всколыхнулись...

Зеленое знамя двинулось впередъ, широко раскинувъ по вѣтру свое полотнище... Въ таборахъ слышались сначала крики, потомъ стройное пѣніе. Муллы начали священный стихъ „Алла-Аллага-иль-Алла“, подхваченный десятками тысячъ солдатъ, обрекавшихъ себя смерти, чтобы доставить своему пророку и своему султану блестящую побѣду.

Сегодня уже это была пятая атака... Стремительная, беспощадная...

Весь день на холодѣ, всю ночь измокшіе, наши солдаты, сверхъ того, были голодны... Усталъ оковывала руки... Головы кружились у самыхъ сильныхъ... Смерть большей части товарищей была пережита среди этого ада... Тридцать часовъ свинцовый ливень безъ передышки засыпалъ эти редуты, тридцать часовъ подъ-рядъ тысячи, десятки тысячъ гра-

нать лопались въ тѣсныхъ кучкахъ защитниковъ, сбивавшихся за траверсы... Тридцать часовъ атака за атакой двигалась на нихъ и, отраженная, опять начиналась тотчасъ же, не давая вздохнуть героямъ, не позволяя имъ очнуться... И тридцать часовъ—несмотря на вѣсть, что подкрѣпленій не будетъ—они стояли здѣсь каменною стѣною...

Горталевъ уже не ободрялъ солдатъ...

Съ нимъ остались тутъ только не нуждавшіеся въ ободреніи.

Курносый парень переобувалъ портянки и старательно смывалъ водою изъ лужи, оставшейся послѣ дождя, грязь съ сапогъ. Къ чему ему нужно было явиться щеголемъ въ эту именно минуту, едва ли онъ отдавалъ себѣ отчетъ,—точно такъ же, какъ не отдавалъ себѣ отчета и другой его сосѣдъ, тщательно застегивавшійся на всѣ пуговицы и расчесывавшій голову, Богъ знаетъ какъ уцѣлѣвшимъ, гребешкомъ съ нѣсколькими рѣдко торчавшими зубьями... Парфеновъ—тотъ, впрочемъ, понялъ по-своему и похвалилъ.

— Это ты хорошо... Что къ смотру, что къ Богу—солдатъ во всемъ парадѣ должонъ...

— Мы, дяденька, рады стараться...

— И чудесно...

„Алла-Аллага-иль-Алла!“ все громче и громче доносилось *оттуда*...

Турецкая атака подковой охватывала наши позиціи... Концы ея были уже далеко позади редута... Очевидно, бой долженъ будетъ закипѣть одновременно и впереди, и позади, и по бокамъ.. Тишина воцарилась въ редутѣ... „Взбранной воеводѣ побѣдительная“ — только и напѣвалъ про себя Парфеновъ, а неугомонное воспоминаніе — на-зло этому рѣшительному послѣднему удару, на-зло смерти, что ужъ стережетъ его изъ этихъ сѣрыхъ, грузно нависнувшихъ тучъ, переносило старика далеко, далеко—въ Питеръ,—въ его швейцарскую.. Кто то теперь отворяетъ подъѣздъ Александру Александрычу?.. Хорошій баринъ, завсегда на чай жертвуетъ... Что барыня Марья Осиповна? Поди, всплакнетъ, узнавъ, что ея старикъ убитъ... Вѣрой и правдой ей десять лѣтъ служилъ... А племянницы? Тѣ что жъ—не заплачутъ... не понимаютъ еще. Только шире свои сѣрые глазенки раскроютъ... Еще, пожалуй, и обрадуются... Кутьей ихъ на поминъ души кормить станутъ... Съ медомъ... Вотъ оно и хорошо, что бобылемъ всю жизнь прожилъ... По крайней мѣрѣ, позади сиротства да нищеты не оставилъ... А еще года два (сѣдина въ бороде—бѣсъ въ ребро) жениться было вздумалъ

— Ахъ ты!..— И Парфеновъ сразу опять перенесся изъ Питера въ редутъ.

Пуля ударила въ гребень бруствера прямо предъ нимъ, засыпавъ землею глаза старику.

Оно и кстати—о смерти напомнила... Нечестивыми помыслами теперь казались все эти воспоминанія... Не до нихъ. „Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое!..“ Какъ разъ во-время напомнила...

— Дяденька?

— Ну?

— Таперчи намъ что будетъ?

— О чемъ это ты?

— Таперчи — по сколько егорьевъ на роту дадутъ?..

— А тебѣ хочется?

— Какъ не хотѣть! домой приду — всемъ на удивленіе... Это по селу меня Никишкой звали, а теперь Никитой Гаврилычемъ стануть!

— Вынеси тебя Богъ цѣлымъ...

— Да ужъ доселѣ не тронуло—теперь не тронетъ...

— Это ты почему знаешь?

— А такъ, знаю... У меня и сонъ хороший былъ. Поповъ котъ съ дьячковской собакой разодрались. Коли бы котъ побѣдилъ,— ну, тогда плохо... А то собачка; хоша она и махонькая, а ката загрызла... За шиворотъ его, да башкой о земь... Ловко!..

— Ахъ ты, дуракъ, дуракъ!..

Было около пяти часовъ пополудни ..

Неприятельскія цѣпи уже выбѣжали изъ долины... Патроны были слишкомъ дороги... Никто раньше не встрѣтилъ врага выстрѣломъ... Точно волны моря, колыхались вокругъ нашихъ редутовъ турецкіе таборы... Направо—Мосцовой ужъ отвѣтилъ на атаку враговъ залпами. Горталовъ еще медлилъ командовать... Только за сто шаговъ первый залпъ опрокинулъ передовыя массы турокъ назадъ въ долину, но оттуда тотчасъ же выбѣжали еще болѣе многочисленныя, еще болѣе отчаянныя. Солдаты уже сами, не ожидая приказа, отстрѣливались. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ, защищаемый горстью солдатъ, редутъ нашъ казался потонувшимъ среди неизобразимаго хаоса... Въ шумѣ, грохотѣ, проклятійхъ и крикахъ атаки точно замерли выстрѣлы орудій и злобная трескотня ружей... Въ ушахъ звенѣло, въ глазахъ мелькали ошалѣвшія отъ ужаса или осwirѣпѣвшія лица враговъ, сновавшихъ подъ валами, сотнями падавшихъ и тысячами сбрасывавшихъ вновѣ... Направо еще гремѣло залпами, а налѣво уже закипалъ штыковый бой... Парфеновъ отбивался прикладомъ; курносый парень, озлясь, выбѣжалъ за брустверъ, посадилъ на штыкъ назойливаго арнаута,

лѣзшаго прямо на него, и заоралъ прямо въ лица врагамъ такое радостное, бодрое „ура“, точно позади за нимъ стояли, въ полной боевой готовности, десятки тысячъ свѣжихъ солдатъ... Налѣво въ редутъ ворвался какой-то турецкій офицеръ съ толпою низамовъ, но солдаты дружно кинулись туда—и передовые бойцы наступающихъ ратей легли сплошь у самыхъ валовъ съ пробитыми насквозь грудями, съ проломленными черепами... Вопли умирающихъ, яростные крики дерущихся, обрывки „ура“, то вспыхивавшаго, то гасшаго въ разныхъ концахъ редута, смѣнялись на мгновенія зловѣщей тишиной, въ которой только и слышался, что лязгъ штыковъ, глухое хрипѣнье падавшихъ подъ ними враговъ, да громкіе бодрые голоса офицеровъ, не потерявшихъ въ свалкѣ. Равнодушный къ ощущеніямъ, переживаемымъ другими, Горталовъ стоялъ у бруствера и, держа саблю въ рукахъ, пока только отбивался отъ подходящихъ къ нему слишкомъ близко турокъ...

— Врагъ позади...—крикнулъ кто-то оттуда.

Оглянувшись, Горталовъ чуть было не попалъ на штыкъ дорывавшагося до него низама, но Парфеновъ во-время „скротилъ“ его ударомъ приклада по черепу. Гололобый покатился внизъ... Зато Горталовъ, дѣйствительно, увидѣлъ ужасную картину...

Турки теперь лѣзли отовсюду...

Они одновременно атаковали соединительную траншею, защитники которой, видя себя слишкомъ слабыми, штыками прочищали путь къ редутамъ, желая соединиться съ товарищами, чтобы умереть вмѣстѣ съ ними... Турки напали и на самый редутъ съ тылу, и Харабовъ, уже обливавшійся кровью, отбиваль тамъ отчаянный приступъ цѣлаго табора, во главѣ котораго лѣзъ на валъ красивый брюнетъ, въ сѣрой офицерской курткѣ, съ золотыми жгутами поперекъ плечъ. . На одну минуту Горталовъ увидѣлъ, какъ Харабовъ схватился съ турецкимъ офицеромъ. . Тотъ схватилъ его, словно стараго друга, давно не видавшагося съ нимъ, мощными объятіями!.. Солдаты въ упоръ уложили турецкаго офицера, но едва-едва удалось имъ отогнуть его сомкнувшіяся объятія... Злоба, ненависть, казалось, еще не сбѣжали съ лица умирающаго, и, чувствуя свое безсиліе, онъ только скрежеталъ зубами и плевалъ въ лица нашимъ, наклонявшимся къ нему...

Казалось, цѣлый океанъ бѣшевалъ кругомъ редута. Тысячи вспѣнныхъ валовъ кидались на этотъ одинокій карабль, чтобы разбить его въ щепки и унести на взмывахъ своихъ шипящихъ отъ бѣшенства водъ только жалкіе и окровавленные трушы его защитниковъ.

Каждая минута этого отчаяннаго боя хватывала сотни людей... И такихъ минутъ прошло уже много, много...

Есть невозможное и для героевъ...

Еще недавно безтрепетно стоявшіе на своихъ валахъ солдаты обезумѣли, и въ то время, какъ одни выбѣгали изъ-за укрѣпленій, чтобы грудь съ грудью сцѣпиться съ неистовыми врагами, другіе, сбиваясь кучками, уходили изъ редута назадъ, прокладывая себѣ путь штыками. Что-то безмысленное, безотчетное творилось тутъ. Такая толпа встрѣчалась иногда съ толпою защитниковъ соединительной траншеи, пробивавшихъ себѣ тоже штыками путь, но уже къ редуту, откуда стремились уйти эти... Мгновенія недоумѣлыхъ взглядовъ, и они соединялись, вмѣстѣ двигаясь туда, куда сильнѣе и стремительнѣе былъ напоръ—къ редуту или отъ редута. Не то, чтобы это были струсившіе, потерявшіеся. Напротивъ. Для того, чтобы заставить разступиться сплошные таборы турокъ, имъ приходилось употреблять нечеловѣческія усилія. Каждый шагъ доставался имъ цѣною кровавыхъ жертвъ. Они пронизывали живую массу враговъ, разстрѣливаемые тысячами ружей, падая подъ ударами сотенъ штыковъ,—но энергія безсознательная, слѣпая энергія отчаянія не падала, а, напротивъ, разгорались

отъ препятствій. Казалось, что стремленіе достигнуть берега становилось еще пламеннѣе и неукротимѣе. Часто такія толпы отступавшихъ сплошь ложились подъ ударами отовсюду окружавшихъ ихъ враговъ. Оставался одинъ уцѣлѣвшій, но и этотъ, съ изумительнымъ упорствомъ, штыкомъ прочищалъ себѣ дорогу, все по тому же направленію, пока и онъ не падалъ подъ пулей въ упоръ... И каждый разъ, сломавъ упорство такихъ отступавшихъ партій, турецкіе таборы съ новою жаждою мести бросались на редутъ и новыми свирѣпыми усиліями стремились сломать энергію его послѣднихъ защитниковъ...

VI.

Сраженные львы.

А въ редутѣ уже совершался послѣдній актъ этой кровавой исторіи.

Отбивались штыками... Приподымаясь надъ брустверомъ, видѣли и впереди, и позади только массы враговъ... Онѣ же густились и налѣво... Склоны холмовъ кругомъ, лощины были наполнены турецкими таборами. Турки озлобленно лѣзли отовсюду. Побѣда ихъ бы-

ла несомнѣнна... Умирающіе львы уже не думали объ оборонѣ... Они знали, что мѣсто уходитъ въ ненавистныя руки, и думали только о томъ, какъ бы пасть съ честью, какъ бы въ послѣднія минуты свои нанести удары посильнѣе, какъ бы подороже продать свою обреченную жизнь... Въ одномъ изъ редутовъ турки, уже прорвавшіеся, бѣшено дрались съ нашими солдатами, задавливая ихъ массой, умирая для того, чтобы на свѣжій трупъ встала тотчасъ же нога новаго бойца, за которымъ ждали очереди остальные. Подъ ливнемъ свинца гибли и свои, и чужіе... Сломавъ штыки, враги схватывались и, хрипя, душили одинъ другого. Часто умирающій, сваливъ въ смертельномъ, послѣднемъ усилии угасающей жизни своего врага, вгрызался въ его тѣло судорожно сжимавшимися зубами и только подъ тяжелымъ прикладомъ, разбивающимъ ему черепъ, освобождалъ остервенѣвшаго бойца... Парфеновъ, во весь ростъ стоя у самаго вала, отбивался штыкомъ отъ нѣсколькихъ рослыхъ низамовъ, наступавшихъ отсюда. Курносый парень уже со шрамомъ во все лицо, изодранный, безсознательно вправо и влево отмахивался прикладомъ, зажмуривъ глаза и не видя, кого онъ бьетъ, чьи головы, чьи шеи встрѣчаетъ его прикладъ... Горталовъ сумрачный и безмолвный, сложа руки, сидѣлъ

пока посреди редута. Онъ былъ готовъ, онъ—этотъ капитанъ утопающаго корабля—онъ былъ готовъ къ смерти, но часъ его не пришелъ, и онъ спокойно ожидалъ послѣдняго напора роковыхъ волнъ. Въ живой массѣ солдатъ рвались гранаты... Соединительная траншея кое-гдѣ уже была захвачена турками, и тамъ, въ узкомъ рвѣ этомъ, шелъ свирѣпый бой одинъ на одинъ... Враги схватывались и гибли, утучняя почву своею кровью... Схватывались въ тучѣ порохового дыма,—умирая, не могли различить надъ собою даже сѣраго просвѣта непривѣтливаго, совсѣмъ осенняго сегодня неба.

Ординарцы, посланные съ приказаніемъ отступать, не могли доѣхать до редутовъ, окруженныхъ таборами... Сигналы слышались,—но имъ не вѣрили эти мужественные, рѣшившіеся умереть люди... Изъ лѣваго редута, впрочемъ (Абдуль-бей-табѣ), кучка солдатъ двинулась навстрѣчу своимъ, но всѣ, на первыхъ порахъ врѣзавшись въ смежную гущу враговъ, погибли тамъ подъ штыками... Раненые, падая, уже не могли надѣяться на спасеніе... И здоровые не могли уйти, а этихъ и подавно унести было некому. Да и дожидаться турокъ не пришлось наиболѣе счастливымъ... Свои затоптали... Туда, куда направлялись наиболѣе сильные удары турокъ,—туда, гдѣ

громче гремѣли ихъ торжествующіе крики, кидались кучки защитниковъ. Имъ некогда было разбирать, кого они топчуть—своего или чужого. „Охъ, Господи! Спасите!.. Куда-нибудь въ уголь меня!.. Ой... Голубчики!.. Своего!..“ слышались хриплые, съ натугой вырывавшіеся изъ-подъ ногъ крики раненыхъ и умирающихъ, но они безслѣдно пропадали среди этого царства смерти, торжества ужаса... Не одна рука и нога были въ крови; сапоги солдатъ тоже покрылись ею. На землѣ, гдѣ не было мертвыхъ и раненыхъ, гдѣ не корчились умирающіе, тѣ же стояли черныя лужи крови... Падали лицомъ въ нихъ, спотыкаясь, опускали руки въ эту кровь... Часто, потерявши отъ муки сознание, несчастный хваталъ за полу шинели, за ноги пробѣгавшихъ мимо, но тѣ, даже не оглядываясь, вырывались: помогать не было рукъ... Тѣ, которые еще уцѣлѣли, знали, что черезъ минуту и имъ придется такъ же лечь на землю и въ острыхъ боляхъ мучительной смерти царапать землю судорожно сводившимися пальцами.

Харабовъ замѣтилъ налѣво полосу ската. Тутъ турки разрѣдились, направляясь въ атаку съ фронта и съ тыла.

— Не прикажете ли увести солдатъ туда?..— обратился онъ къ Горталову...

— Что?—спокойно поднялъ на него глаза, казалось, задумавшійся о чемъ-то маіоръ.

Харабовъ повторилъ.

— Погодите... Нужно знамена спасти... Они во всякомъ случаѣ не должны достаться врагу... Что это... Откуда это выстрѣлы?..

На минуту было вспыхнула надежда...

Горталовъ всталъ...

— Неужели подкрѣпленія?.. Можете вы разсмотрѣть, что тамъ?...

— Нѣтъ... Впрочемъ, видно. Это Скобелевъ... Только съ нимъ не болѣе баталіона..

— А пушки, пушки оттуда слышите?..

— Слышу... Вотъ онѣ открыли огонь опять... Одна батарея. Я думаю, онѣ хотятъ прикрыть отступленіе!.. Съ такими силами отбить турокъ нечего и думать.

Горталовъ зорко всмотрѣлся туда и потомъ, не говоря ни слова, сошелъ внизъ...

Надежды не было... Атака турокъ опять пріостановилась, но надежды не было.

Моментъ, котораго онѣ ждалъ, наступилъ...

Этимъ моментомъ нужно было воспользо-ваться во что бы то ни стало... Турки отхлынули, очистивъ тылъ... Теперь гарнизонъ редута можетъ выйти... Теперь удобно начать отступленіе.. Въ послѣдній разъ онѣ собралъ вокругъ себя своихъ солдатъ, зорко, внимательно сталъ всматриваться имъ въ ли-

ца... Въ эти дорогія, близкія лица... которыхъ онъ болѣе не увидитъ... Вотъ они передъ нимъ... Ждутъ его голоса... Смотрятъ прямо въ глаза ему... Вотъ и знамя колыхается надъ ними...

— Братцы!.. Идите, пробейте себѣ путь штыками... Здѣсь защищаться нельзя... Штабсъ-капитанъ Абазіевъ, вы поведете ихъ... Благослови васъ Богъ, ребята!.. Прощайте!..

И, снявъ шапку, Горталовъ перекрестилъ солдатъ.

— Ну, съ Богомъ!—громко, уже овладѣвъ собою, скомандоваль онъ.

— А вы?..—И всѣ глаза обратились къ нему съ выраженіемъ тоски и боли.

— Я .. Я остаюсь... Остаюсь съ этими, — указаль онъ на груди мертвыхъ... — Скажите генералу, что я сдержаль слово... Я не ушелъ изъ редута... Скажите, что я здѣсь... мертвый! Прощайте, ребята!..

Вонъ они направляются къ горжѣ... Вотъ они выходятъ... Вонъ эти сѣрыя фигуры, ихъ уже нѣтъ въ редутѣ...

Они за брустверомъ... Въ послѣдній разъ Горталовъ посылаетъ имъ свое благословеніе:

„Спаси васъ Богъ!.. Спаси васъ Богъ!..“

И слезы на глазахъ... Онъ видитъ, какъ послѣдніе солдаты, оборачиваясь, крестятъ его... Онъ уже не можетъ сдержать рыданій...

Раненые корчатся кругомъ... Они тоже остались здѣсь... Вотъ знамя мелькаетъ... Прощайте, братья, прощайте!.. Прощайте!.. Пора!.. Пора... Турки не должны увидѣть этихъ слезъ... Вонъ они уже бѣгутъ... Почуяли, что редутъ оставленъ... Торжествующій ревъ освирипѣлой толпы... Ревъ ему навстрѣчу... Стадо звѣриное мчится... Ураганъ несется... Пора!..

Спокойный и величавый, скрестивъ руки на груди, онъ медленно взошелъ на наружный край бруствера... Горталовъ одинъ теперь на стражѣ редута... Одинъ, и никакого волненія уже не видать на лицѣ этого капитана, погибающаго съ своимъ кораблемъ... Сколько ихъ!.. Вотъ они у самыхъ ногъ... Штыки... Взбѣгаютъ на валъ.

Вспѣнныя гребни высоко-высоко поднялись надъ палубой...

Буря осилила... Корабля уже не видать подъ ними...

Горталовъ бьется на штыкахъ... Послѣдній вздохъ къ небу... И разорванное на части тѣло героя безобразными кусками валяется на окровавленной землѣ...

Бурдонъ и Михельсонъ.

ПОЛНЫЙ СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ

вошедшихъ въ употребленіе въ русскомъ языкѣ,
съ означеніемъ ихъ корней.

Изданіе девятое исправленное и дополненное

В. Кошкарнымъ.

М. 1899 г. Ц. 60 к., въ пер. 85 к.

Предпринимая изданіе настоящаго словаря, я имѣлъ цѣлью дать возможность каждому приобрѣсти полезную книгу по самой общедоступной цѣнѣ. По своей полнотѣ этотъ словарь имѣетъ большое преимущество передъ другими изданіями того-же рода: въ немъ помѣщено около 20,000 словъ, тогда какъ этотъ-же словарь (Михельсона и Бурдона, цѣна 4 р.) въ прежнихъ изданіяхъ, хотя и былъ озаглавленъ: „15000 иностранныхъ словъ“, однако содержалъ въ себѣ всего 22—23 тысячи словъ, въ томъ числѣ массу лишннихъ, какъ-то: переводъ еврейскихъ и другихъ собственныхъ именъ, специальныхъ латинскихъ названій различныхъ болѣзней, медицинскихъ и другихъ терминовъ и т. д., которые изъяты при исправленіи. Словарь же Дубровскаго (цѣна 1 р.) содержитъ въ себѣ всего 15—16 тысячъ словъ. Источникамъ при исправленіи и дополненіи словаря служили: Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, словарь Граната и другія не менѣе извѣстныя изданія. Кромѣ того я приложилъ всѣ старанія, чтобы дать книгѣ изящную внѣшность: словарь отпечатанъ на хорошей бумагѣ и содержитъ въ себѣ 476 стр. убористой, отчетливой печати въ два столбца. Насколько я достигъ своей цѣли—предоставляю судить читателю (публикѣ).

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

съ приложеніемъ портрета автора, его біографіи, написанной П. А. Плетневымъ, примѣчаній, составленныхъ по В. Ө. Кеневичу, и пяти этюдовъ о басняхъ Крылова П. Смирновскаго. 332 страницы, 1897 года. Цѣна 1 руб.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы въ качествѣ пособія при изученіи басенъ Крылова въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для ученическихъ бібліотекъ этихъ заведеній, а также для учительскихъ бібліотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читаленъ.

Оглавленіе: Біографія Крылова (написанная П. А. Плетневымъ). Очеркъ дѣятельности Крылова до 1808 г. (П. Смирновскаго). Басни Крылова. Примѣчанія въ баснямъ (по В. Ө. Кеневичу). Объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ басняхъ Крылова (П. Смирновскаго). Имена и образы, заимствованные изъ классической древности (П. Смирновскаго). Степень оригинальности басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Историческое и общечеловѣческое значеніе басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Народность басенъ Крылова (П. С.). Художественность басенъ Крылова (П. С.). Алфавитный списокъ басенъ Крылова съ указаніемъ страницъ.

Томе, удешевленное изданіе для школъ и народа съ 73-ю гравированными рисунками, съ портретомъ автора и его біографіей. М. 1898 г., изд. 2-е, цѣна въ бумаж. 15 в., въ папѣ 20 в. и въ коленкор. переп. 35 в.

Цѣна 20 коп.